

Моя жилищная история. Опыт тематически фокусированного автобиографического повествования

Автором предпринята попытка разработки модели социологического описания одного из важнейших аспектов образа жизни и жизненного процесса индивида, на примере собственной биографии.

Из выводов: жилище — это то, что человек считает своим, «свой угол», неважно — пещера, шалаш, комната, квартира или особняк. Это точка или граница между персональным и социальным, внутренним и внешним, частным и общественным («ничьим») пространством. Однако, увы, особенно в наших об-

щественных условиях, «мой дом» — вовсе не «моя крепость». И зависимость от внешних, зачастую чуждых индивиду форм организации социальной жизни именно в жилищной сфере порой проявляется особенно сильно и даже грозно...

Ключевые слова: жилищная ситуация, жилищная история, жизненная ситуация, образ жизни, жизненный процесс, биография, человек и государство

Андрей Алексеев
независимый исследователь

Замысел коллег (в частности, О. Божкова и Т. Протасенко) объявить публичный конкурс сочинений на тему «Моя жилищная история» и — параллельно — обратиться к социологам с предложением участвовать в сборнике под таким названием, с тематически фокусированными автобиографическими эссе, заинтересовал меня.

Для меня возник повод разработки модели социологического описания одного из важнейших аспектов образа жизни и жизненного процесса индивида, на примере собственной биографии. Последняя, разумеется, не исчерпывает всего богатства возможных поворотов жизненной судьбы, часто существенно связанной с местом жительства; проживанием в отдельной / коммунальной квартире (для городских жителей) или в сельском доме; типом собственности: жилище принадлежит семье или одному из ее членов, или же снимается (тогда — найм у государства либо в «частном секторе»); проживанием по месту регистрации (прописки) либо в другом месте, по тем или иным причинам. И т. д.

Разработка модели может быть дедуктивной либо индуктивной. В первом случае задаются а priori некоторые параметры, по которым описывается «жилищная история» человека (некоторые из этих параметров отмечены выше). Индуктивный же путь — это просто «сырое» описание биографии индивида (в данном случае — автора этих строк), под углом зрения или с акцентом на перипетии жилищной истории, на протяжении жизни.

Автор, которому уже за 80, располагает довольно богатым опытом таких перипетий.

Итак, выбираем индуктивный путь.

Должен сказать, что наш герой (т. е. я сам) являет собой довольно консервативный тип образа жизни. А именно: он не живет «на несколько домов» (как теперь все чаще встречается), проживает в одной и той же стране и — преимущественно — в одном и том же населенном пункте (Ленинград / Санкт-Петербург).

Далее, это жилищная история советского / российского гражданина, горожанина (как уже отмечено), имеющего семью (состав которой, разумеется, меняется на протяжении жизни). У него умеренная трудовая мобильность (имея в виду смену мест работы и сфер занятости на протяжении жизни).

Особенности жилищной истории героя нашего повествования коснутся прежде всего следующих обстоятельств:

А) коммунальная либо отдельная квартира;

Б) тип застройки: старый фонд, «сталинские» дома, «хрущевки», новое строительство (различающееся по историческим периодам);

В) собственное либо снимаемое жилое помещение (с раз-

личением ситуаций: социального найма — у государства, и найма у частных лиц);

Г) фактическое проживание по месту собственной регистрации (прописки) либо по другому адресу;

Д) источник обретения жилища: родительская квартира (наследование) или жилищный обмен или получение жилплощади от государства или приобретение жилища на собственные средства — единовременное или по ипотеке и т.п.;

Е) перемены жилищной ситуации в зависимости от пространственной, трудовой и социальной мобильности индивида;

Ж) перемены жилищной ситуации в зависимости от семейных обстоятельств (женидьба, развод и др.).

Возможно, по ходу изложения «всплывут» и другие типологические особенности, но пока значимыми представляются именно эти.

Введу еще несколько ограничений. Всякий человек может уезжать в командировки, в отпуск, в гости (иногда это даже требует временной регистрации), т. е. живет какое-то время «не дома»: в гостинице, у родственников и друзей, на даче, «у хозяев» — на фиксированный отрезок времени, в туристском походе и т. п. Я, как правило, не буду учитывать эти случаи, если такое временное проживание продолжается меньше года. Иначе говоря, мы будем рассматривать случаи только стабильного, относительно продолжительного проживания на одном месте.

Далее, жилищная история всякого индивида — это история его проживания совместно с членами семьи (родительской, собственной, с теми или иными близкими родственниками). Понятно, состав семьи, или круг лиц, проживающих совместно (обычно — ведущих общее хозяйство) — это важнейшая характеристика жилищной ситуации. Характеризуя персональную жизненную ситуацию, естественно, затрагиваешь жизненные обстоятельства членов семьи. Таким образом, личная жилищная история естественно пересекается с соответствующими историями — родителей, супруга (супруги), детей, иногда — внуков, а также братьев и сестер, наконец — родственников супруга (супруги), как собственного (собственной), так и младшего поколения.

Семейная роль или родственное отношение героя жилищной истории (сын, дочь, муж, жена, родитель, дед, бабушка, зять, невестка, тесть, теща и др.) является существенным моментом всякой жилищной ситуации (соответственно, истории).

Еще одно общее замечание. Будем рассматривать жилищную историю как некую последовательность различных жилищных ситуаций (динамика как смена состояний). Всякая перемена в жилищных условиях имеет свои внешние причины и внутреннюю мотивацию. Те и другие подлежат освещению и / или раскрытию.

И последнее. Автору этих строк не однажды приходилось давать биографические интервью.¹ Писал и семейную хронику.² В биографических интервью делался акцент на трудовой биографии (если не считать периода ранней социализации — детства и отрочества, обучения в школе и вузе). Семейная хроника в основном фиксировала череду жизненных событий (рождение, учеба, вступление в трудовую жизнь, женитьба или замужество, рождение детей, трудовая и пространственная мобильность...).

В том и другом случае жилищная ситуация затрагивается в основном лишь в случае смены места жительства (населенный пункт), во всяком случае не отражается вся полнота черт и особенностей этой ситуации.

В этом смысле собственно жилищная история оказывается существенным дополнением трудовой и семейной биографии, как бы выходит «из тени», по праву занимая место одного из важнейших аспектов жизненного процесса и биографии индивида. При этом рассматривать ее в отрыве от остальных аспектов, вырывать эту тему из общего жизненного контекста нельзя. Равно как и презентовать всю биографию вне социального и исторического контекста.

Другое дело, что последовательность жилищных ситуаций здесь выступает как предмет приоритетного рассмотрения, а все остальное — как контекст или «фон».

Теперь, после всех этих предварительных замечаний, можем приступить к нашему case study, или описанию «случая АА», героем которого выступает автор этих строк.

1

Наш герой родился 22 июля 1934 г. в Ленинграде. Его родители — Варвара Петровна Пузанова (1899 — 1963) и Николай Николаевич Алексеев (1904 — 1974), оба — инженеры, жили тогда в доме дореволюционной постройки на углу улиц Некрасова и Восстания (Некрасова, д. 40), на 5-м (последнем) этаже (потолки высокие, пролеты лестницы — большие, без лифта), в квартире (квартира 8), которую когда-то занимала одна семья, а потом ее «уплотнили» и квартира стала коммунальной — на 6 или 7 семей (насколько помню).

(Информация о доме 40 по ул. Некрасова: бывший доходный дом С.Е. Егорова; построен 1883-1884; арх. П.Ю. Сюзор³).

Комната, которую занимали мои родители (когда и при каких обстоятельствах они в нее вселились, мне, к сожалению, неизвестно), была из самых больших — метров 40, с двумя окнами и балконом, выходящими на ул. Некрасова. В этой комнате сами собой сложились несколько функциональных мест, разграниченных ширмами и мебелью: передняя (прихожая) — с вешалкой для верхней одежды; спальня с комодом и старинным умывальником; столовая с буфетом и кухонным столиком; кабинет с письменным столом и книжным шкафом; тут же, неподалеку — платяной шкаф с зеркалом и старинный столик-секретер. С моим рождением нашлось место для детской, с маленьким столиком для занятий ребенка.

Уже по тому, что рассказано, видно, что мать избегала появляться на коммунальной кухне, заставленной кухонными столами с керогазами и керосинками. Сама она держала керосинку, на которой готовилась пища, в комнате.

Отопление было печное (в левом ближнем к входной двери углу, в районе спальни — большая кафельная печь). Поленица дров — в глубоком дверном проеме комнаты, снаружи.

Ванной в квартире или не было, или я не помню (во всяком случае, наша семья ею не пользовалась). Туалет, понятно, один на всех жильцов.

Звонок на входной двери квартиры вроде был один. К каждой семье полагалось определенное количество раз на него нажимать. К нам, кажется, было пять звонков.

Признаться, я все это описываю уже по послевоенным впечатлениям, но вряд ли до войны было иначе.

Летом обычно выезжали в «загородный» дом в Дачном (Дачное до войны было пригородом), где тогда жили сестра моей матери — Мария Петровна Пузанова, ныне покойная, с мужем — Владимиром Владимировичем Абрашкевичем, ныне покойным. Дом — деревянный, 2-х этажный, оригинальной архитектуры, построенный еще до революции моим дедом — Петром Михайловичем Пузановым (1860-1935), инженером, работавшим на Путиловском заводе.

2

В комнате на ул. Некрасова семья (отец, мать и я) жила вплоть до начала войны, а в войну — еще до начала блокады — уехали в эвакуацию. Наиболее продолжительным местом проживания был Омск, куда эвакуировался завод им. Ворошилова (ныне — «Звезда»), на котором работал отец. В Омске снимали комнату в деревянном одноэтажном доме («частный сектор»). Деталей обстановки не помню.

Мать еще до моего рождения издала две книжки по технологии тракторостроения (курс лекций по «допускам и посадкам»). Когда появился я, занялась исключительно моим воспитанием, учила меня французскому и немецкому языкам. Еще и до войны. И особенно — в эвакуацию. Так что я, со своим домашним воспитанием, впервые пошел в школу (в Омске) в 9-летнем возрасте — практически сразу в 4-й класс⁴.

В период нашего отсутствия, в комнате на ул. Некрасова в Ленинграде проживал Владимир Васильевич Абрашкевич. Он там пережил всю блокаду и сумел сберечь все имущество — и мебель, и книги. (Он был инженером-кораблестроителем и работал на заводе им. Жданова). Так что осенью 1944 г. мать со мной смогла вернуться в Ленинград — в полностью сохранившееся довоенное жилище. (Позднее к нам присоединился отец).

3

Родительская семья проживала в комнате на ул. Некрасова вплоть до 1955 г. (примерно). Оттуда я ходил в школу на Соляном переулке, которую окончил в 1950 г., затем — на филологический факультет Университета (куда ездил на трамвае; тогда трамваи еще ходили по Невскому).

Диспозиция в нашем жилище тогда была такая же, как описанная выше — довоенная. Только на месте «детского уголка» появились мой топчан для сна и еще один книжный шкаф.

К членам семьи прибавился кот Дымок (или Пушок), привезенный матерью из Омска. А позднее ему на смену пришел Чернуш (Черныш?), затем другой кот — такой же расцветки. Коту было запрещено выходить за пределы комнаты (в коммунальный коридор). Кошачий век в ту пору был не долог. Кажется, второй кот свалился с балкона, но выжил. Последнему — довелось объездить с матерью на автомашине «Победа» Прибалтику, Закарпатье, Крым и Кавказ. Один раз его оставили на вре-

¹ «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко»; Продолжение следует... — http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&id=5. «На семи ветрах» — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-intervyu-raznyh-let-5-na-semi-vetrah-chast-1>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-intervyu-raznyh-let-7-na-semi-vetrah-chast-2>

² Алексеев А.Н. Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники — <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>; <http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php> См.: <http://www.citywalls.ru/search-street141-page5.html>

⁴ См.: А. Алексеев. Бесценный дар от матери — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-bescennyi-dar-ot-materi>.

м путешествия у знакомых, живших где-то в районе Тосно. Он там выбежал на шоссе и попал под колеса проходящей машины.

Где-то в 9-м или 10-м классе мне был подарен родителями велосипед «Диамант». Для меня не было проблемой затаскивать его на пятый этаж. А место ему было отведено все в той же комнате, в прихожей.

Автомашину (сначала «Москвич», потом — «Победа») приобрели где-то на рубеже 40-х — 50-х. Поначалу мать была единственным водителем. По достижении 18 лет права получил также я. На «Победу» совершали далекие путешествия — за отпуск до 10 тыс. км. Однажды проехали по берегу Черного моря от Одессы до Батуми.

Помнится, одна из первых поездок в Крым на нашей «Побед» была аж вшестером. Семья моей тетушки — Марии Петровны Пузановой, тогда еще не имела своей машины. И вот представьте: 18-летний водитель за рулем, справа впереди — его мать, а сзади — его отец (машину тогда не водивший), Владимир Васильевич и Мария Петровна. И между ними еще устроился на волейбольном мяче 12-13-летний подросток — мой двоюродный брат Володя (1939 г. рожд.).

Дом по ул. Некрасова, 40, был огромный, аж на целый квартал, образуемый ул. Некрасова, Восстания, Басковым пер. и ул. Радищева, в нем было много подсобных, подвальных помещений, используемых как дровяники, и даже междворовое арочное пространство, преобразованное в гараж.

Моей обязанностью в старшем школьном и студенческом возрасте было носить дрова — вязанками на спине — из нашего «личного» подвального помещения через двор и на 5-й этаж. (Неужели у каждой семьи в доме было закрепленное за ней подвальное помещение? А как иначе? Ведь отопление — печное).

А гаражное помещение в доме мы делили с профессиональным шофером, который ухитрился заезжать туда на своей легковушке хитроумным маневром, когда дорогу преграждала наша машина.

Еще — одной из моих семейных обязанностей (по достижении 18-летия) было отвозить отца по утрам на машине на работу, к заводу им. Ворошилова, — это в районе нынешней станции метро Обуховская. Машин тогда в городе было мало, пробок не было, и удавалось доехать из центра до завода, по пр. Обуховской обороны, за 10-15 мин., как помнится.

4

Следующим моим жилищем была отдельная 2-х комнатная квартира (комнаты — изолированные) на 3-м этаже «сталинского» дома на углу пр. Обуховской обороны (адрес, кажется: Обуховской обороны, д. 229/7, номера квартиры не помню) и ул. Чернова — короткой, метров 200-300, упиравшейся в производную отцовского завода. Отец в ту пору, кажется, уже занимал должность главного технолога этого завода, во всяком случае — принадлежал к числу «командиров производства».

Окна квартиры выходили на пр. Обуховской обороны. Из особенностей этой квартиры мне запомнилась необычная для городских домов конструкция душевой: душ был прикреплен под потолком, а вода стекала в решетку посреди пола. В душевой можно было уместиться только стоя или сидя на табуретке.

Между этим «заводским» домом и заводом был тогда пустырь (ныне, разумеется, застроенный). Где-то на полпути от

дома до проходной завода размещалось с десятком гаражей, в том числе один — принадлежащий родительской семье.

Как-то так получилось, что переезд совершился без меня: дело было летом, и я был на студенческой стройке. Я был прописан в этой квартире (вместе с отцом и матерью) чуть не 20 лет, но пожить в ней не успел, т.к. к этому времени женился на студентке филфака ЛГУ — Елене Ивановне Ларионовой (1933-2002), одним курсом меня младше, и стал жить «приймаком» в ее родительской семье. Потом были другие обстоятельства.

Отец с матерью к тому времени практически разошлись, но брака не расторгали. Общими у них были квартира и машина. Еще, сохранялось профессиональное сотрудничество: на титуле одной из книг кандидата технических наук В.П. Пузановой в «Машгизе» стояло также имя Н.Н. Алексеева.

А жили в одной квартире врозь: каждый в своей комнате: мать — в большей, отец — в меньшей. А где бы жил я, если бы не женился — неясно (скорее всего — в одной комнате с матерью).

5

Моим следующим и довольно долговременным жилищем — была комната в коммунальной квартире на 3-м этаже дома на Поварском пер. (это переулок, соединяющий Колокольную и Стремянную улицы, параллельный Владимирскому проспекту). Адрес: Поварской пер. 13, кв. 4. Дом — 4-х этажный, старинный, с высокими потолками. В XIX веке в нем проживали (в разное время) Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский⁵. А в 10-х годах XX века в этой квартире поселился генерал (военный прокурор) Николай Федотович Дорошевский (1855-1919) с семьей, — дед моей первой супруги Елены Ивановны.⁶

После революции Дорошевские «уплотнили», квартира стала коммунальной. За родительской семьей Елены остались две сугубо-смежные комнаты, в которых проживали мать (Людмила Николаевна Румянцева, в девичестве Дорошевская) и отец Елены (Константин Васильевич Румянцев), она сама, а также ее старший брат Георгий.

Кроме названных в этой коммунальной квартире проживало еще 6 семей.

В блокаду все родные Елены умерли, ей же было — 8-9 лет. Перед смертью ее мать Людмила Николаевна просила соседней по квартире — Ивана Ивановича и Ольгу Тимофеевну Ларионовых, ныне покойных, позаботиться о девочке, чтобы не попасть ей в детский дом.

Супруги Ларионовы, выходцы из деревни Стрелка, Боровичского р-на, Новгородской обл. удочерили Елену, ставшую с тех пор не Румянцевой, а Ларионовой. Тогда же они переселились из темной маленькой комнаты в этой квартире в бывшие «парадные» комнаты с окнами на Поварской, оставшиеся после родителей Елены.

Приемный отец Елены — Иван Иванович — был столяром, приемная мать — Ольга Тимофеевна к тому времени была рабочей.

Вот в эту рабочую семью и подселился зять, герой настоящего повествования. Старшие жили в большей комнате, младшие — в меньшей, проходной, с входной дверью, отгороженной шкапами.

6

В 1956 г. молодые супруги оба окончили Университет (в

⁵ См.: Дом в Поварском переулке и его обитатели — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/dom-v-povarskom-pereulke-i-ego-obitateli>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/dom-v-povarskom-pereulke-i-ego-obitateli-prodolzhenie-temy>.

⁶ (См.: О. Новиковская, Дорошевские. Генеалогические поиски продолжают. Глава 1 — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-1> Глава 2 — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-2> Глава 3 — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-3> Глава 4 — <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-4>

один и тот же год, поскольку у Елены был пятилетний, а у ее мужа — шестилетний курс обучения). Наш герой, с его специальностью журналиста в дипломе, получил распределение в молодежную газету г. Куйбышева (теперь — Самара) — «Волжский комсомолец», куда и отбыл.

В редакции газеты молодой журналист успешно продвигался по служебной лестнице (из литсотрудника скоро вырос до заведующего отделом комсомольской жизни). Однако обеспечить молодого специалиста жилплощадью редакция не могла. Полтора года снимал комнату в «частном секторе» (насколько помню — ул. Сызранская), бывало, ночевал и на диване в редакции. При этом его периодически возобновляемая прописка в г. Куйбышеве была временной, а постоянная ленинградская (в доме на пр. Обуховской обороны) сохранялась.

Супруга (Елена Ивановна), получившая при окончании вуза, ввиду замужества, свободное распределение, какое-то время потратила на поиски работы в Куйбышеве, но безуспешно. Перспективы получить жилье не было. В итоге решили оба вернуться в Ленинград и редакция «Волжского комсомольца» была вынуждена отпустить своего сотрудника, не отработавшего положенный молодому специалисту срок (3 года).

7

Вернувшись в родной город (1958), супруги стали снова жить в коммунальной квартире на Поварском пер. Работали журналистами — и он, и она. Родители Елены, по мере старения, все чаще стали уезжать в деревню Стрелка, где у них сохранился построенный в молодости сельский дом. (Дом этот и сейчас стоит, и моя дочь ежегодно проводит там лето). В конце концов приемные родители Елены Ларионовой (теперь уже — Алексеевой) переехали туда совсем, лишь изредка наезжая в город.

А в семье Алексеевых 21 сентября 1960 г. родилась дочь Ольга. Жили втроем на жилплощади 50 кв. м. Еще и для друзей, страдавших от стесненных жилищных условий, находилось место.

Кажется, еще до моего вселения в эту квартиру в ней был телефон.

8

В 1961 г. наш герой, к тому времени успевший проработать три года в ленинградской молодежной газете «Смена», круто сменил род занятий, покинув (по собственной инициативе) редакцию газеты и поступив на завод в качестве рабочего. Этот факт трудовой мобильности можно было бы и не упоминать, как не имеющий прямого отношения к жилищной истории, если бы второе рабочее место, занятое им в рамках такого «хождения в рабочие», не было за пределами Ленинграда, а именно — на Волховском алюминиевом заводе (в Ленинградской обл.).

Поступление на этот завод повлекло за собой изменение жилищной ситуации — на год без малого переселился в заводское рабочее общежитие (1963-1964). Впрочем, почти ежедневно ездил в Питер, где оставались жена и дочь.

9

Наконец, продолжительные «отлучки» из дома на Поварском кончились, и вплоть до конца 60-х гг. наш герой проживал, вместе с женой и дочерью на жилплощади супруги, будучи по-прежнему постоянно прописан (напомним) в родительской квартире на пр. Обуховской обороны, где практически никогда не жил.

17 мая 1963 г., в возрасте 63-х лет, скончалась мать — Варвара Петровна Пузанова. Отец продолжал жить в квартире на пр. Обуховской обороны. Получив права, сам стал водить машину. Наш герой забрал себе материнскую домашнюю библи-

отеку и ее архив.

Вскоре после смерти матери отец женился вторично, и в родительской квартире стала проживать его новая супруга (Лидия Михайловна, фамилию забыл). В общем все — и старшие и младшие — были неплохо жилищно обеспечены, только наш герой проживал не по адресу постоянной прописки. Потом это сыграло чуть ли не роковую роль.

10

В квартире на Поварском переулке подрастала дочь супругов Алексеевых. Те — работали журналистами; он в «Ленинградской правде», она — на Ленинградском телевидении. Потом наш герой стал аспирантом факультета журналистики ЛГУ (1965).

Где-то в начале 60-х дом на Поварском пошел на капитальный ремонт. Все жильцы выезжали на резервный жилой фонд, кроме супругов Алексеевых. Отчасти благодаря этому, удалось добиться исправления внутренней планировки квартиры, так что их две сугубо-смежные комнаты стали смежно-изолированными (как до революции).

(Впоследствии это обстоятельство облегчило Елене Ивановне с подростковой дочерью обмен — в 1975 г. — двух комнат в коммунальной квартире на аж 3-х комнатную отдельную квартиру, правда меньшего, чем эти комнаты, суммарного размера, и в «хрущевке», в Кировском районе, в Дачном).

Еще один эпизод, относящийся к коммунальной квартире на Поварском (первая половина 60-х). Там была ванная, но пользоваться ею было практически невозможно, т.к. отсутствовала водогрейная колонка. Наш герой тогда уже работал на заводе, но продолжал печататься в газетках.

И вот в газете «Смена» появилось остро-критическая и проблемная (по тем временам) статья о бюрократизме, как социальном явлении. Поводом послужила чиновная волокита с установкой газовой колонки в ванной некой коммунальной квартиры в старом фонде. Было подсчитано, что жильцы потратили на хождение по инстанциям в этой связи больше жизненного времени, чем на посещение бани. Автор настаивал на организации общественных судов над бюрократами, как к этому когда-то призывал Ленин.

Статья имела резонанс. Жилищно-коммунальное управление запрашивало редакцию, по какому адресу эти события имели место. Газовая колонка в конце концов была установлена — безотносительно к данной публикации.

Интересно, что в ту пору, в 60-х гг., в этом же доме, выше этажом, проживал мой — впоследствии — друг и коллега Борис Зусманович Докторов (с которым мы тогда знакомы не были).

11

Где-то в конце 60-х гг. семья Алексеевых распалась. Это произошло стремительно. Но, по счастью, никак не сказалось на человеческих отношениях, оставшихся навсегда очень дружественными, в сущности — даже родственными. Елена Ивановна замуж больше не вышла, герой же настоящего повествования в ту пору сблизился с супругой своего школьного друга и одноклассника Бориса Крюкова. Нелли Алексеевна Крюкова (род. 1932), медик и биохимик по специальности, вскоре стала супругой А.Н. Алексеева.

Понадобился разезд бывших супругов Крюковых. Их семья состояла из них двоих, сына Алексея, ныне покойного, и матери Нелли — Лукерьи Матвеевны, ныне покойной. У них была неплохая 3-х комнатная квартира в высотном (как можно было, по тем временам, назвать 9-12-этажный) доме на пр. Мориса Тореза. Было принято решение, что сын останется с отцом, а мать Нелли, понятно, с нею.

В итоге жилищного размена Нелли Алексеевне с Лукерьей Матвеевной досталась комната в малонаселенной коммуналь-

ной квартире в доме по ул. Кирилловской (Смолянинский р.-н, старый фонд). Комната чуть больше 20 кв. м. Жить там втроем (Нелли, ее новый супруг и ее мать) было немислимо. Следовало озаботиться улучшением жилищных условий, любой ценой.

12

Выход образовался сам собой, После окончания аспирантуры в 1968 г., наш герой получил приглашение на работу в научный институт в Новосибирском академгородке. Там светила интереснейшая работа и перспектива защиты кандидатской диссертации.

То и другое состоялось. На протяжении почти двух лет (1969-1970) А.Н. Алексеев проживал в аспирантском общежитии Новосибирского академгородка, имея маленькую, но персональную комнату в здании с коридорной системой. Из Новосибирска случались поездки в отпуск на Телецкое озеро и на Байкал — вместе с приехавшей на лето дочерью-подростком и новой женой и ее сыном.

Но вообще-то проживание и работу в Сибири можно рассматривать как затянувшуюся на 2 года командировку. На время пребывания там, при временной прописке в Новосибирском академгородке, жилплощадь в Ленинграде (напомню — прописка в родительской квартире на пр. Обуховской обороны) была забронирована (что допускалось, для случаев переезда в Сибирь).

Тем временем, дочь нашего героя проживала с матерью (его бывшей женой) в комнатах на Поварском. А новая жена с ее матерью оставались в Питере, в комнате на Кирилловской ул.

13

Наш герой вернулся из Новосибирска в Ленинград, после защиты кандидатской диссертации, в конце 1970 г. Стал работать в Ленинградских секторах Института философии, потом перешел в Институт социологических исследований АН СССР.

Какое-то время промаялись втроем с женой и ее матерью на жилищном «пяточке» в комнате на ул. Кирилловской. Другого выхода, как снимать нам с Нелли жилплощадь у частных лиц, не было.

14

По счастью, удалось найти вариант — снимать комнату в 3-х комнатной квартире на 1-м этаже панельного дома на ул. Седова (в Невском районе). В квартире этой жила (и сейчас живет) давняя и близкая подруга Ирины Михайловны Яковлевой (жены моего двоюродного брата Владимира Владимировича) Лидия Сошлюкова. У нее — две младших сестры — близнецы Тая и Оля — и собственный сын Сережа. Лидия воспитывала их одна.

Лидия согласилась сдавать нам с Нелли одну (среднюю по величине) комнату из трех. По размерам оплаты это было для нас приемлемо, а главное — полное взаимное доверие и расположенность между хозяйкой и жильцами. Так мы прожили около 3-х лет. Обжились настолько, что в этой комнате было построено два больших стеллажа — для книг и для бумаг. Эти стеллажи и по сей день существуют, сопровождая нашего героя во всех его переселениях.

Мать Нелли (Лукерья Матвеевна) продолжала жить в комнате на Кирилловской ул.

Однако ясно было, что это лишь временный выход из положения. Как решить семейную жилищную проблему?!

14а

К сожалению, очередная глава жилищной истории будет изобиловать неопределенностями. Я просто запомнил по-

дробности ухищрений, предпринятых семьей для того, чтобы встать на учет для улучшения жилплощади и обзавестись-таки отдельной квартирой. Кое-что буду домысливать, не будучи уверен, что именно так все и было.

Для постановки на учет для улучшения жилплощади (попросту говоря — для постановки на очередь) нужно было, чтобы в комнате на Кирилловской ул. на одного жильца приходилось меньше определенного «норматива» жилплощади. Кажется, тогда этот норматив составлял 6 кв. м.

Комната, по-видимому, была чуть меньше 24 кв. м. Поскольку прописаны в ней только двое — Нелли Крюкова и ее мать, налицо «вполне достаточная» жилищная обеспеченность.

Даже если бы А.Н. Алексеев туда прописался, это не решало проблемы. Т.е. это было необходимым, но недостаточным условием.

Но и это условие соблюсти оказалось не просто. Встретившись с отцом, наш герой сказал ему: «Я должен выписаться из твоей квартиры, чтобы как-то устраивать свою судьбу». Это вовсе не устраивало отца. Его новая жена — Лидия Михайловна — жила с отцом в его квартире, но вовсе не собиралась в ней прописываться. (Сохранение ею своей прежней прописки как-то облегчало ей наилучшее жилищное обустройство ее собственных взрослых детей).

Если же я выпишусь из родительской квартиры, то усложню жизнь отцу, который тогда останется прописанным в ней один и — того гляди — к нему кого-нибудь поделят. (Может, и не так, но он, как видно, того опасался).

Услышав от сына: «Но что же мне делать? Ты привязал меня к этой квартире, но ведь ты же непустишь меня жить в ней!», — отец схватился за сердце, и мы с ним после этого какое-то время не общались. (Примирение произошло лишь незадолго до его кончины — 1974 г.).

Насколько помню, я от отца вся же выписался (на выписку, в отличие от прописки, согласия остальных жильцов не требуется) и прописался к жене и ее матери.

Но что еще сделать, чтобы встать на очередь? Договорились с сыном Нелли Алексеевны (напомню, он жил тогда со своим отцом, бывшим мужем моей супруги — Борисом Крюковым), а также с самим Борисом, который к тому времени, кажется, уже завел новую семью, чтобы прописать Алексея к матери (сына к матери нельзя не прописать!).

Тогда получится меньше 6 кв. м. на человека, т. е. появятся основания для постановки на очередь... Как только ни исхитряются граждане, чтобы обмануть государственную машину, которая сама их непрерывно давит!

Но мало встать на очередь — надо еще обеспечить ускоренное продвижение этой очереди, или «первоочередное» улучшение жилищных условий. Здесь во-время вспомнили о правах Лукерьи Матвеевны, муж которой (отец Нелли) погиб на фронтах Великой Отечественной. Как вдове погибшего офицера, ей положена эта «привилегия».

Может, я все это если не выдумываю, то домысливаю, пытаюсь построить правдоподобную схему. Тут еще активно вмешался тогдашний начальник нашего героя. Вроде строился какой-то «академический» дом, часть квартир которого должна была отойти очередникам, а наша семья вроде подходила по нескольким параметрам (не исключая и мою работу в Институте Академии наук).

Вроде бы предназначавшаяся нам в этом доме квартира ушла кому-то более заслуженному, но «в утешение» была предложена 3-х комнатная квартира на 6-м этаже в строящемся 9-этажном доме на Васильевском острове (Наличная ул, д. 40). Дом панельный — серии, которую в просторечье называют «корабль» (это где окно кухни и окно одной из комнат имеют более высокий, чем у остальных, подоконник, т. е. площадь таких окон несколько меньше, чем могла бы быть. (Дома этой серии были распространены в 70-е гг., сейчас таких не строят).

Интересно, что каждый будущий жилец заранее знал номер

своей квартиры и мог встретиться с рабочими-строителями и договориться, чтобы они — за особое вознаграждение — скажем, дополнительно утеплили линолеумный пол или поставили лишнюю секцию батареи отопления.

В итоге, к 1974 году семье А.Н. Алексеева удалось жилищную проблему решить. Это еще, считайте, повезло, что к 40 годам довелось стать нанимателем у государства целой отдельной квартиры.

На установку телефона очередь подошла лишь через 10 с лишним лет. И то — двоякая линия с соседней квартирой.

Лишь через несколько лет после нашего вселения открылась Приморская станция метро. До этого ездили от м. Василеостровская на автобусе.

15

В этой 3-х комнатной квартире, по адресу: Наличная, д. 40, корп. 1, кв. 132, — героем настоящего повествования было прожито 22 года (до 1996 г.).

Там при входе, слева — ванная, туалет и кухня. Прямо — коридор, из которого — по левую сторону — вход в наименьшую комнату (с уменьшенным окном); далее коридор упирается в дверь самой большой комнаты, являющейся проходной, из которой ход направо в среднюю по величине комнату, откуда дверь на балкон. Окно этой дальней комнаты выходит на Наличную ул., окна остальных комнат и кухни — на открытый двор.

Квартира на лестничной площадке напротив имеет зеркальную относительно вышеописанной планировку.

Этот дом был первым, построенным в этом квартале на острове Декабристов. Какое-то время за домом сохранялось открытое пространство до самого берега залива, так что можно было из окна наблюдать морские закаты. К настоящему времени квартал, разумеется, весь застроен.

В меньшей по размерам комнате поселилась Лукерья Матвеевна. В большей — проходной — письменный стол и множество стеллажей плюс диванчик; там, в основном, обретался герой настоящего повествования. Средняя по величине комната — вотчина Нелли Алексеевны.

В этой квартире поначалу были прописаны четверо: трое вышеупомянутых и сын супруги нашего героя от первого брака — Алексей (точно год рожд. не помню, но он был старше моей дочери лет на 5), который в доме на Наличной ул. никогда не проживал, а продолжал жить вместе с отцом. Договорились, что Алексей выпишется с Наличной после того, как будет сделан за него первый взнос на кооперативную квартиру. Этих денег у нашего героя не было. Дала взаймы Лукерья Матвеевна. В итоге, в квартире остались прописанными трое реально проживающих в ней людей.

Потом зять отдавал теще долг несколько лет. Отдал полностью.

15a

На период проживания в этой квартире пришлось много важных жизненных событий: работа научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР (1975-1979), «эксперимент социолога-рабочего» (1980-1988), необходимая оборона от возникших политических обвинений в отношении Алексеева А.Н., возвращение к работе в академическом институте (Лен. филиал Института социологии; 1989).

Именно в этой квартире в сентябре 1983 г. производился обыск, в итоге которого были конфискованы дневники, письма, архивы героя настоящего повествования (возвращенные лишь 5 лет спустя).

Сотрудники УКГБ ЛО, под видом милиционеров, обследовали — одна за другой — каждую полку на стеллажах. На одной из полок лежала коробочка с самодельными микрофильмами (крамольная литература). Я незаметно взял коробочку в руки и не знал, что с ней делать. Нелли Алексеевна догадалась, предложила: переложить это на уже обследованный стеллаж. Пронесло.

Вскоре затем состоялся странный взлом и разгром квартиры (ничего не было похищено), исполнители чего так и остались не обнаруженными, хоть расследование и тянулось несколько лет.

В ту пору наш герой работал слесарем-наладчиком на Ленинградском заводе полиграфических машин.

Еще одно — уже позднейшее — событие в этой квартире. Особенно «моя» комната была вся заставлена книжными шкафами, стеллажами, завалена бумагами... Тем не менее киношники из Москвы как-то исхитрились протащить в нее свою аппаратуру для съемки документального фильма «Не могу иначе» — о нашем герое, как социологе-рабочем, «прорабе перестройки» и т. п. (1988).

В конце 80-х, когда началась кампания по бесплатной приватизации жилья, супруга нашего героя — Нелли Алексеевна Крюкова — выступила инициатором приватизации квартиры на Наличной ул., троими зарегистрированными в ней — в равных долях. Надо сказать, что это было незадолго до того, как семья фактически распалась, супруги давно уж стали отдаляться друг от друга.

16

Еще в середине 80-х гг. наш герой впервые побывал (во время отпуска) на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника, где тогда проживал, с женой Ириной, и работал лесником его двоюродный брат Владимир Абрашкевич. Это был знаменитый в свое время интеллигентский, антибраконьерский кордон (все его обитатели — с высшим образованием).

Другим лесником на этом кордоне был бывший учитель средней школы Анатолий Кузьмич Базникин (1928 — 1990). В начале 80-х гг. он образовал семью с переселившейся в заповедник петербурженкой, инженером-кораблестроителем Зинаидой Глебовной Вахарловской. Наш герой был знаком с нею с детства (встречались в доме Абрашкевичей в Автово).

В июне 1990 г. З.Г. Вахарловская похоронила на кордоне Гүзерибль (куда они к тому времени переехали) своего супруга — помощника лесничего и активиста экологического движения, одного из учредителей Социально-экологического союза Анатолия Кузьмича Базникина.

Год спустя, в один из приездов Зины в Петербург (июнь 1991), образовалась наша с нею семья.

До тех пор, пока не зарегистрировались как муж и жена (1996), А.Н. Алексеев и З.Г. Вахарловская ездили друг к другу (он — в заповедник, на кордон Гүзерибль, она — в Питер). Стабильного жилья для двоих в Ленинграде не было; когда Зина приезжала, скитались по друзьям и знакомым, даже в квартире на Наличной какое-то время жили.

Стало ясным, что 3-х комнатную квартиру на Наличной ул. надо разменивать. (Развод с Нелли Алексеевной состоялся еще в 1995 г.). Максимум, на что можно было рассчитывать (без доплат) — это 2-х комнатная квартира плюс комната в коммунальной квартире. Первая — для Нелли Алексеевны с ее матерью, вторая — для нашего героя.

Такой вариант удалось найти (1995): 2-х комнатная отдельная квартира в новом доме в районе оз. Долгое и — комната 26,4 кв. м, в 2-х комнатной (так!) коммунальной квартире, в старом фонде, на Васильевском острове (8 линия, дом 27, кв. ...). Квартира — на 2-м этаже 3-х этажного дома. Окна выходят на

⁷ См.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб. Норма, 2003 - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

двор-колодец, куда не заглядывает солнце. Тем не менее, это был относительно удачный вариант.

Главной проблемой оказался сосед. Человек неуравновешенный, на грани психиатрии, и хамоватый, он и собственных родственников терроризировал, не говоря уж о соседях. Наши «обменщики» об этом нас, разумеется, не предупредили.

Тем не менее, вновь возникшая семья вздохнула с облегчением — по крайней мере — «свой» угол. И пару лет жили там, с перерывами только на летний отпуск, когда уезжали в заповедник, где у Зинаиды Глебовны сохранялась положенная ей, как вдове сотрудника заповедника, проработавшего там свыше 10 лет, казенная квартира. Впрочем, поскольку она не жила там постоянно, ее стали настойчиво оттуда выживать.

Зинаиду Глебовну вынудили окончательно отказаться от квартиры на кордоне позднее, в 2003-м году, когда понадобилось менять паспорт, а лесничий отказался заносить ее в домовую книгу и т. д. Можно было судиться, да себе дороже. Были и другие обстоятельства.

Фактически наше с Зинаидой Глебовной проживание в комнате на 8-й линии продолжалось до октября 1998 г. (когда, на 90-м году жизни, скончался отец Зины — Глеб Анатольевич Вахарловский). Тогда, в силу разного рода семейных обстоятельств, понадобился наш переезд в его 3-х комнатную квартиру на Малой Охте.

Тем временем, будучи единственной формально зарегистрированной (прописанной) персоной в комнате на 8-й линии, наш герой почувствовал себя, так сказать, в зоне риска. Ведь комната не приватизирована, а право на бесплатную приватизацию он уже неосмотрительно использовал (в квартире на Наличной). Случись с ним что — и комната отойдет не соседям, так государству).

Поэтому он попросил Любовь Анатольевну Вахарловскую (род. 1965), дочь своей жены от первого брака, прописаться у него, с учетом близкого родства. Взрослая, замужняя, имеющая собственных детей «падчерица» исполнила его просьбу, хоть добиться ее постоянной регистрации у «отчима» от местного отделения ОВД оказалось непросто (не стану углубляться в подробности).

Впоследствии Любви пришлось прописаться обратно в приватизированную квартиру на ул. Корнеева, в Кировском р-не, где она проживала с двумя несовершеннолетними детьми, ввиду предстоящего развода с отцом этих детей.

Кардинальным решением проблемы выхода из зоны риска единственного зарегистрированного жильца комнаты на 8-й линии могла бы стать лишь прописка супруги нашего героя в этой комнате, с последующей ее приватизацией на имя Зинаиды Глебовны Вахарловской (благо та правом бесплатной приватизации жилья ранее не пользовалась).

Расставшись с квартирой на кордоне Лузерипль Зинаида Глебовна прописалась к мужу в Петербурге (2003). То обстоятельство, что она ранее не участвовала в приватизации жилья, было документально подтверждено соответствующей справкой с прежнего места жительства. После чего Зинаида Глебовна стала единоличным собственником комнаты на 8-й линии (2005). Что вполне устроило автора этих строк.

17

Наш герой перешел на положение «не работающего пенсионера» в 2008 г. (его последним местом работы был Социологический институт РАН). Его супруга оставила работу (она, уже будучи на пенсии, 10 лет работала курьером) в 2013 г.

Его дочь — Ольга Андреевна Новиковская, учитель-логопед, работающая в детском саду, — проживает в 2-х комнатной квартире, на 9-м этаже 12-этажного дома на пр. Ветеранов (в Красносельском р-не), вместе со своим младшим сыном Егором (род. 1986) — инвалидом. Она имеет автомашину (праворульная «Тойота») и, как и покойная бабушка — Варвара Пет-

ровна Пузанова, сама ее водит. Каждую весну и в летний отпуск она ездит на этой машине за 400 км, в деревню Стрелка, Новгородской обл., где у нее фамильный дом, которому уже 100 лет

Старший сын Ольги Андреевны — Иван Новиковский (род. 1983), специалист по обслуживанию и ремонту медицинской техники — продал квартиру бабушки Елены Ивановны Алексеевой в Дачном и построил собственный дом на земельном участке в районе Стрельны (пос. Володарка, по дороге к Петродворцу). Он там, по преимуществу, и проживает, вместе с женой Марией Тихоновой, экономистом. Но есть еще и родительская квартира супруги, где постоянно проживает ее мать — Надежда Дмитриевна.

На работу в центр города, а также в иногородние командировки Иван обычно ездит на своей автомашине.

18

На этом я позволю себе оборвать свою жилищную историю. Совершенно не обязательно сообщать граду и миру адрес нынешнего фактического проживания, А.Н. Алексеева и З.Г. Вахарловской, постоянно зарегистрированных (прописанных) в комнате на 8-й линии, которая (комната) в настоящее время единолично принадлежит Зинаиде Глебовне.

Где бы ни жили хозяйка и ее супруг, ежемесячно посещается комната на 8-й линии, ее зарегистрированные жильцы дисциплинированно оплачивают коммунальные услуги, а на днях ездили на Васильевский остров голосовать на парламентских выборах.

Наш герой и его супруга относительно благополучны, хотя с возрастом, понятно, не становятся бодрее. В 2014 г. отмечали совместное 150-летие (ей — 70 плюс ему — 80). В нынешнем году получается уже 154 года на двоих.

В этом году исполняется 25 лет их совместной жизни, С учетом, что для каждого это уже третий брак, Серебряная свадьба — это не так мало.

Подведем некоторые итоги.

А. Думаю, жилищная ситуация являет собой существенный аспект общей жизненной ситуации индивида, соответственно, жилищная история — весьма значимая часть биографии. Жилищные условия во многом определяют — и не только быт, семейный уклад, жизненную обстановку, но и трудовую биографию, круг общения, любительские интересы, жизненную мотивацию человека. Читатель мог убедиться в этом и на примере нашего case study, где все эти жизненные сферы и моменты тесно переплетены и взаимозависимы.

Б. Жилищная история значима и для понимания логики развития способностей и формирования потребностей человека, характера и динамики поведенческой направленности личности.

В. Жилищная история сплошь и рядом драматична: в ней есть свои «взлеты» и «падения», острые коллизии, порой парадоксальные, внешне обусловленные и внутренне мотивированные переходы от одной ситуации к другой. Сама по себе та или иная жилищная ситуация может быть предметом абстрактных мечтаний или конкретной жизненной целью, а смена этих ситуаций — важнейшим мотиватором социального поведения.

Г. Сказанное в известном смысле универсально для описания образа жизни и жизненного процесса человека. Но в условиях советского / российского общества, характеризующегося массовой бедностью и скудостью социально-бытовых условий подавляющей части населения, при вопиющих диспропорциях в материальном положении, потребительском статусе, социальных возможностях и т. п. разных социальных страт, роль жилищной ситуации в жизненных обстоятельствах человека зачастую становится самодовлеющей и даже гипертрофированной.

Д. Будучи одной из древнейших и первостепенных на протяжении всей истории человечества потребность в жилище столь же естественна и непреложна, как потребности в пище, одежде, сексе, продолжении рода, элементарном комфорте существования. Это есть форма защиты индивида от неблагоприятных воздействий внешней среды, будь то натуральных или социальных воздействий.

Е. Жилище — это то, что человек считает своим, «свой угол», неважно — пещера, шалаш, комната, квартира или особняк. Это точка или граница между персональным и социальным, внутренним и внешним, частным и общественным («ничьим») пространством. Однако, увы, особенно в наших общественных условиях, «мой дом» — вовсе не «моя крепость». И зависимость от внешних, зачастую чуждых индивиду форм организации социальной жизни именно в жилищной сфере порой проявляется особенно сильно и даже грозно.

Ж. Первостепенной здесь является проблема формы собственности. Лишь в последние четверть века у нас получила повсеместное (не только для сельских, но и для городских условий) развитие частная собственность на жилье. Однако этот социальный институт, равно как и институт социального найма, аренды и т. п., обременен таким количеством бюрократических условий и ограничений, что даже принадлежащее человеку на правах собственности является не вполне его «собственным».

З. В вопросах личного жилищного обустройства человек все время вынужден выстраивать отношения не только с ближайшим социальным (прежде всего — семейным) окружением, но и с муниципальными и государственными чиновниками и службами (паспортной, санитарной, охранной и т. п.). Все эти службы, с одной стороны, упорядочивают жилищные отношения, как бы защищают их, но не в меньшей (а даже большей) степени оказывают давление на простых граждан, вплоть до полного бесправия последних.

И. Отношения человека, гражданина с социальной средой — по поводу жилища — это прежде всего — отношения человека и «ЛЕВИАФАНА», отношения с государством, властью, ее законными (а порой и самозванными) представителями. В практике таких отношений — заведомо не равноправных — право (не говоря уж о морали) зачастую отходит на задний план, а на передний выходит притеснение и манипуляции человеком со стороны государства, на что естественной реакцией являются попытки человека перехитрить государственную машину, лишённую, в отличие от него самого, креативных способностей.

К. В этом отношении весьма характерна история получения семьей героя нашего case study отдельной квартиры в первой половине 1970-х гг. (см. п. 14а), равно как и, например, по-

истине массовое (даже учитываемое в различных канцелярских формах) проживание граждан вовсе не по месту регистрации, т. е. явочное само-обеспечение свободы перемещения.

Л. Люди и власть (ее многообразные институты) существуют как бы в параллельных реальностях, причем власть все время пытается вмешиваться и обращать в свою пользу (точнее — в пользу своих представителей) это вмешательство в повседневную жизнь и жизненную судьбу граждан, а граждане — защищаются от этого вмешательства и пытаются строить свою судьбу в собственных, а не чуждых им «государственных» интересах. Иногда им это удается.

М. Автор не претендует на полноту своих выводов даже из рассмотренного случая, не говоря уж о том, что только одного case study для серьезных обобщений заведомо недостаточно. Но, по крайней мере, предпринята попытка задать образец социологического описания именно ЖИЛИЩНОЙ истории индивида — что не слишком распространено в практике современных антропоцентрических социальных исследований.

Сентябрь-октябрь 2016 г.

Послесловие. Социолог в повседневности

Я вижу в этой статье А.Н. Алексева продолжение двух его главных работ последних лет: 4-х томник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003-2005 гг.) и 4-х томник «Профессия — социолог» (2010 г., в соавторстве с Р.И. Ленчовским). Это продолжение тематическое, стилевое, жанровое.

В общем случае «жилищная история» — это драма всего населения нашей страны и это предмет всестороннего социологического изучения, Алексева — как и в его названных работах — сводит макро «жилищную историю» до case study и делает её предметом социологической ауторефлексии. Так возникает еще один взгляд на содержание и смысл социологии как профессии.

Большой опыт Алексева в автобиографическом анализе помог ему придать «линейному процессу» его много десятилетних перемещений по Ленинграду / Петербургу объемность социально-культурологического плана. Он очень мягко, интеллигентно, работая в очень узком предметном пространстве, описал, как жилищная проблема превращалась в тяжелейшие драмы людей. Люди понимали свою *беспомощность*.

Я все прочел с огромным интересом и не только потому, что «жилищная история» переживалось и мною. Но и потому, что Алексева описал и часть моей собственной жилищной истории; он жил по адресу: Поварской пер. 13, 3-й этаж, кв. 4., а я — этажом выше, кв. 6. Но тогда мы ещё не были знакомы.

Борис Докторов